

БАЛАНС

Их матерью была Уртуу, богиня баланса и равновесия.

Неудивительно, что сами они так потрясающе гармонизировали, будучи настолько разными.

Они обе были выношены в одной утробе в одно и то же время. Но, родившись, одна из них пошла неловкими человеческими ногами, а вторая, звонко смеясь, полетела, как богиня.

Бенайя была отдана своему отцу, рыболову с покрытого снегом острова. Марада училась управлять своей силой, следуя за матерью, куда бы та ни шла. И часто Уртуу приходила на заснеженный остров. И тогда её дочери виделись.

Девушки выросли, и каждая из них сетовала на роль, в которой оказалась. Уртуу говорила, что баланс разумен, и Вселенная стоит на том, что Бенайя охотится на тюленей, а Марада проникает в каждую печь и костёр, чтобы дать людям тепло.

И Бенайя, и Марада с детства слышали одно и то же: нельзя пытаться сместить баланс. Они обе рождены, чтобы нести в себе его мощь, чтобы подарить людям возможность самим решать свою судьбу, самим выбирать свой путь, не разрушая Вселенную. Чтобы что-то получить, нужно что-то отдать. Они – Бенайя и Марада – самые сильные якоря баланса, самые далёкие полюса. В каждой из них, однако, так много другой, что они и сами не догадываются.

Бывало, что Бенайя и Марада замирали, глядя друг другу в глаза. В эту секунду невозможно было различить их. А потом Марада корчила рожу.

Со временем они всё меньше понимали друг друга. Они ссорились, и из-за обид Марады Бенайя не могла ни согреть дом, ни приготовить еду. Бенайю звал в жены мужчина, в которого была влюблена Марада, но с которым она не могла быть, будучи богиней. Бенайя ему отказала. Марада злобно заметила, что если один полюс любит, то другой на это, видимо, не способен.

– Ты думаешь, легко жить так, как живу я? Добывать пищу, носить тяжёлую одежду даже в доме, потому что холод везде, и никаким огнём его не прогонишь?

– А ты думаешь, что легко быть огнём? Ты знаешь о том, как мне больно, когда очередной человек засыпает костёр снегом?

В каждой из них так много другой, что, вероятно, они могли бы поменяться местами. Устав от ссор, они решили, вопреки воле матери, самостоятельно выбрать свой путь. Огонь больно жёг, но Беная не убрала руки. Марада, встав на человеческие ноги, взвыла от собственной, незнакомой ей прежде слабости и уязвимости, а Беная ощутила силу и растерялась – она совершенно не знала, что с ней делать.

Чтобы удержать равновесие, Уртуу выпустила к людям крыс, заражённых страшной болезнью. Она приказала дочерям вернуть всё, как было, пока не стало слишком поздно.

Но слишком поздно уже стало – будучи полной противоположностью сестры, хотя и являясь существом той же природы, Беная стала богиней льда и снега.

И когда сёстры соприкоснулись руками вновь, Марада обратилась в ледяную статую, расколовшуюся от дикого, болезненного крика своей матери Уртуу.

ЕЩЁ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

– Ещё десять лет прошло. Давай, просыпайся, время перерождаться.

Ангел постучал кулаком по стеклянной крышке капсулы, больше похожей на плод фантазии автора научно-фантастической книги, чем на небесное хранилище души. Девушка внутри перевернулась на бок, прикрыла глаза рукой и сонно пробурчала:

– Ещё пять месяцев, ну пожалуйста...

– Вставай давай, на реинкарнацию опоздаешь.

– Ну ладно, ладно, только свет этот яркий убери...

Привычным жестом девушка подняла крышку капсулы и выбралась наружу. Кажется, она проделывала это уже тысячи раз.

– И никакой ты не ангел, а самый настоящий чёрт, даже подремать не дал! – ворчала девушка, пока они шли по коридору.

– Ты как будто тут в первый раз, – фыркнул мужчина, – сама знаешь, что никаких чертей и никаких ангелов нет.

– Да-да, вы все – просто уставшие и мудрые души, которые не хотят возвращаются на землю. Планктон вы, вот вы кто. Обычный, офисный.

– Чья бы корова мычала, госпожа бухгалтер-в-прошлой-жизни.

– Это была самая худшая из всех. Но зато я работала на какого-то бандита.

– И не знала об этом, – напомнил мужчина, усмехнувшись.

– И не знала об этом, – подтвердила девушка, болезненно поморщившись, – Блин, кажется, я тупею с каждым перерождением. И как я не догадалась?

– Тебе было двадцать три, ты практику в университете проходила.

– Сам знаешь, что пару перерождений назад я в двадцать три отравила четырёх герцогов.

– Да, ты определённо деградируешь, – после небольшой паузы подвёл итог мужчина, – Может, откажешься от реинкарнации и к нам присоединишься?

– Нее, спасибо, – протянула девушка, – не мой вариант. Это слишком скучно. Лучше поживу, подеградирую, а потом вернусь сюда и поржу. Вообще не понимаю, как ты мог отказаться. Мы же с тобой практически одинаковые.

– Моя душа гораздо старше твоей. И ты сломаешься. К тому же, миру не нужны гении в огромном количестве. А то ещё забудут моё любимое воплощение, потому что я сам себя переплону.

– Ой, гений, заткнись. Тебе семь тысяч лет, ты изобрёл колесо и электричество, а ведёшь себя, как мальчишка. Кстати, почему ты не отказался от реинкарнации сразу после колеса? Про колесо все помнят.

– Ага, но имени моего тогда никто не додумался записать, вот и пришлось изобретать электричество, – развёл руками мужчина.

– Ну да, так и пришлось. К тому же, колесо гораздо важнее электричества. Так что ты тоже деградируешь.

– Это как посмотреть. Ты просто завидуешь и злишься. И вообще, пойдём семьи смотреть.

– Три, как и всегда?

– Тебя тоже уже бесит это число?

– Определённо.

Они зашли в большую белую комнату. Пола не было видно, но под их ногами определённо было что-то твёрдое – хотя из-за тумана не было ясно, что именно.

– Кто-нибудь уже отключит эту дым-машину?

– Это увлажнитель воздуха.

Перед вошедшими стояли семеро человек. Две пары и ещё одна пара с ребёнком.

– Первые, – мужчина показал рукой на пару средних лет азиатской внешности, – корейцы. Им немного за тридцать. Безуспешно пытаются завести ребёнка уже пять лет. Им со дня на день пора, так что, считай, это горящая путёвка. Если пойдёшь к ним, то твоя мама будет врачом, а твой отец – политиком. Правда, у него есть любовница. Но это, кажется, ненадолго. Она сильно больна и скрывает это от него.

– Отец застрелит себя, когда его любовница умрёт.

– Поспорим? – подняв брови, предложил мужчина.

– Только если я отсюда не уйду, – с усмешкой ответила девушка, – Но точно – не к ним. И да, отправь лучше к ним мальчика. Отец мечтает о сыне. Вон, видишь? Так, возможно, он переживёт потерю любовницы и сохранит семью.

– Учту.

В центре комнаты стояла пара помоложе. Девушка выглядела лет на двадцать, а рядом стоящий мужчина – лет на пять старше. Однако она была выше его на полголовы. Оба одеты небогато, но со вкусом.

– По залёту? – спросила девушка, взглядевшись в пару.

– Нет, не поверишь – планирование семьи!

– Она же лучшая на курсе, ей уже работу после выпуска предложили!

– Ну, а она взяла и влюбилась, а на работу свою всегда успеет.

– Но предложение-то срочное!

– Другую найдёт.

– Никогда не пойму этих людей, – выдохнула девушка.

– Раньше тебе нравились подобные противоречия с родителями.

– Не сегодня. Может, в следующий раз.

Далее стояли трое: мужчина лет сорока в дорогом, но абсолютно безвкусном костюме, его тридцатилетняя жена в ситцевом платье и маленькая девочка.

– У тебя будет сестра.

– Помнишь, чем всё кончилось, когда их у меня было шесть? А ещё трое братьев?

– Неужели тебе так нравится это вспоминать? К тому же, сейчас другое время, и всё будет иначе.

– Нет. Да и сам посмотри: мать добрая, но простая и даже глупая, много денег никогда не заработает, а отец слишком зависит от своих знакомств. Они могут лишиться денег в любой момент. Лучше пусть одного ребёнка вытаскивают. Никого им не давай ближайшие десять лет.

– Потом она не родит.

– Ребёнка из детдома возьмут, доброе дело сделают, так даже лучше.

Мужчина и девушка обменялись взглядами.

– Ну что, опять на десять лет?

– Ага.

– Там политическая заварушка предвидится, может, даже в войну перерастёт. Как раз для тебя.

– У меня будет повод вспомнить, как травить герцогов?

– Хм. Возможно.

МОЛИТВА

Они занесли его в дом, торопливо сгрузили расслабленное тело на кровать и, отдуваясь, быстро ушли.

Сначала ей подумалось, что он мёртв – его лицо было бледным, сухие губы приоткрыты, глаза под веками не шевелились, а пятно крови, цветком растекшееся по рубашке, только прибавляло веса подобным мыслям. Ей приходилось видеть мёртвых людей на улицах, но видеть мёртвого друга на собственной кровати – не то же самое.

И эта мысль заставила её сдвинуться с места. Будь он мёртв – разве бы принесли его сюда? Разве на войне есть время на подобные мелочи, как возвращение падших товарищей их друзьям?

Марля и ведро холодной воды, которое она неосторожно опустила на пол, и вода расплескалась вокруг. Свежая простыня. Последний бутылёк спирта. Неважно, что будет со всеми этими вещами. С другими вещами. С ней самой. Главное, чтобы он выжил.

Когда кровь перестала стучать в висках, и первая, сводящая с ума, волна страха отступила, и девушка, закончив перевязку и тяжело вздохнув, устало опустилась на край постели, в доме стало так тихо, что ей показалось, что тишина пытается убить её друга.

И тогда девушка решила убить тишину.

Она достала гитару из шкафа, сдула с неё пыль, мысленно ругая себя за неподобающее отношение к инструменту, и села на прежнее место. На секунду ей показалось, что она забыла, как это делается, потому что даже не помнила, когда доставала гитару в последний раз. Она была медсестрой. На войне. Ей было не до этого. Она пела иногда, тихо, себе под нос. Не для пациентов. Для себя. Но вот пальцы забегали по струнам, и она, задумавшись, пропустила целый такт, так что пришлось возвращаться к нужному моменту в мелодии. Вернулась – и запела.

Она не знала молитв, но в те дни песни стали её молитвами.

Неважно, какие слова слетали с её уст. Даже в песнях о дальних странах и кораблях она молила только о нём. Она не верила – она знала, что если она будет петь, он вернётся. В сознание. Домой. К ней.

Ей привезли ещё нескольких больных, и она что-то сделала, куда-то их положила и забыла. Вспоминала, когда они просили есть или пить, и тогда кормила, поила и меняла повязки. А потом возвращалась к его постели. К своей постели. Она всегда спала здесь. И никогда никто другой. Прежде.

Она сидела рядом часами и пела ему. Она забывала о себе, о других раненых, обо всём на свете. Она знала, что только

так, только отдавая всю себя, все силы своей души, только так она сможет вытащить его.

Его лихорадило. Рана гноилась. Она вычищала гной и охлаждала тело, как могла. Она держала его за руку, прижималась к его горячей ладони лбом, щеками. Плакала. Кусала губы. Повторяла его имя так, словно боялась забыть. И пела. Пела. Пела. У неё пересыхало и болело горло. Она уставала от звука собственного голоса. И, тем не менее, она пела. Потому что знала, что только так сможет его вернуть.

И она была права. Сила искреннего, живого человеческого страдания способна на многое.

Он открыл глаза и коснулся пальцами её щёки.

Еле слышно назвал её имя.

Он вернулся.

Домой.

К ней.

НЕ СЛИШКОМ ЧАСТО

Ему снились разные сны.

Иногда ему снились корабли и самолёты. Он любил путешествовать. Корабли и самолёты являли собой противоположности. Вода – воздух. Медленно – быстро. В общении и знакомствах – в тишине и собственных занятиях. Но было и кое-что общее. Например, тревожное ощущение приближающейся опасности. Шторм, крушение. За годы путешествий его самолёты так ни разу и не падали, а корабли так и не попадали в шторм. И всё-таки он боялся.

В такие минуты он осознавал ценность и мимолётность жизни. Сейчас ты есть, а через секунду уже можешь не быть. В этом осознании он находил гармонию с миром.

Изредка ему снился дом. Нет, не холодная однокомнатная квартира с полупрозрачными шторами и скучными светло-голубыми простынями на кровати. А дом, в котором он провёл своё детство. Двухэтажный коттедж родителей. Хотя бы в снах он мог возвращаться туда.

Раньше ему часто снился пожар, унёсший этот дом в небытие. Теперь уже не снится.

Время всё стирает – и плохое, и хорошее. К лучшему, что хорошего оказалось больше.

Ему снились места с фотооткрыток, присланных друзьями со всего мира. Из всех этих мест он не был только в Гренландии. Он и сам отправлял фотооткрытки. Хотя чаще – фотокарточки, сделанные им самим на чёрный полароид.

Иногда – не слишком часто – ему снилась она. Он и сам не понимал, почему. В его жизни были женщины и после, и до неё. Были и роскошные, и бесхитростные, и бледные, и загорелые, и умные, и глупые, и молча собирающие свои вещи, и бросающиеся тарелками. Но никто из них ему не снился.

Кроме неё, разумеется.

Может, не стоило просто так её отпускать. Но ему не хотелось что-то менять. Ему было комфортно. Она сама ушла. Он не хотел её возвращать. Тогда. Да и потом, наверное, тоже. Просто вспоминал, и сам не знал, почему и зачем вспоминал.

Да она всё равно бы не выдержала. Другие же не выдерживали. Он редко брал женщин с собой в путешествия. Он колесил по миру для души, для своей собственной, а необходимость в этих поездках думать о ком-то ещё казалась просто невыносимой. Она бы не выдержала. Да, у него всё равно не было никаких шансов остаться с ней, равно как и не было шансов остаться с кем-то другим.

Она могла родить ему ребенка. Но не родила. Не получилось у них ребенка. С другой, с Анной, получилось, но в их дочери он не видел себя: рыжая, как мать, сероглазая, как мать, и, наверное, вырастет такой же скучной скрипачкой. Этот ребёнок был для матери. Всё-таки, Анна уже была немолода – тридцать четыре года. И скучный серый костюм, и работа в консерватории, и очки на минус пять. Другое дело – та, что снилась ему. Гитаристка с великолепным голосом. Стройная – танцы. С ровной бледной кожей, монгольским разрезом глаз и короткой стрижкой. Они были молоды. У них была вся жизнь. Но так вышло, что у каждого – своя.

К тому же, он её не любил. С ней было хорошо, даже очень, но не более того.

И всё-таки иногда – не слишком часто – она снилась ему...